

УДК 821.161.1.09

**М. М. ЗОЩЕНКО и А. С. ПУШКИН:
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ**

И. П. Колева

Университет Урбино «Карло Бо» (Италия)
кафедра русского языка и литературы

В статье рассматриваются пушкинские юмористические традиции в творчестве М. М. Зощенко. На примере рассказа «Утонувший домик» иллюстрируется игровой характер зощенковского творчества по отношению к произведениям его литературного предшественника.

Ключевые слова: *новаторство, литературная «игра», пародия, гуманистический пафос, юмор, интертекстуальность, претекст.*

М. М. Зощенко вошел в литературу как смелый и оригинальный новатор – в сфере языка, жанровой формы, нового героя своего времени. Однако, будучи по сути новаторским, творчество Зощенко уходит своими корнями в русскую классическую литературу, отечественный фольклор [3, с. 82–83; 7, с. 126–127], произведения сатириков (Н. Тэффи) [1, с. 31], формируется под влиянием «метафизической иронии» Ф. Ницше [1, с. 154] и «пролетарского» искусства А. Блока [11, с. 22]. В настоящей статье рассматривается лишь одна особенность этих влияний – оригинальное преломление у Зощенко пушкинских юмористических традиций.

Прежде всего, Зощенко унаследовал пушкинскую традицию гармонического восприятия мира во всей его многосложности и противоречивости. В зрелом пушкинском творчестве философское принятие трагедийности бытия соединяется с его преображением, с гармонизацией жизненной прозы, через соединение которых художник воссоздал утраченное единство мира [1, с. 111]. Следуя именно этой пушкинской традиции, произведения писателя выражают его гуманистическую позицию: за смехом и улыбкой скрывается доброжелательность и всепрощение, даже если его герои обнаруживают самые неприглядные свои стороны.

Обоих художников характеризует юмористическое мировидение. Известно, что А. С. Пушкин отказывался признавать свои произведения сатирическими. Так, он писал А. А. Бестужеву по поводу первой главы «Евгения Онегина»: «Ты говоришь о сатире англичанина Байрона и сравниваешь ее с моею и требуешь от меня таковой же! Нет, моя душа, много хочешь. Где у меня *сатира*? О ней и помину нет в “Евг.<ении> Он<егине>”. У меня бы затрещала набережная, если б коснулся я сатиры. Само слово *сатирический* не должно бы находиться в предисловии...» [8, т. 10, с. 119].

Пушкинскому поэтическому миру свойственен юмор – в том смысле, в каком понимал юмор его друг поэт В. К. Кюхельбекер [5, с. 40]. О том, что произведения Пушкина окрашены юмором, писали и современные исследователи его творчества. Так В. Е. Хализев и С. В. Шешунова

утверждают, что автор «Повестей Белкина» «окутывает все и всех, кого любит, мягкой атмосферой юмора, сдержанности и недосказанности» [9, с. 14]. Более того, ученые протягивают нить этой литературной традиции к писателям-юмористам XX века вплоть до Зощенко [9, с. 67].

Другой важной чертой, объединяющей этих художников, является новаторское преобразование предшествующего художественного опыта – через его преодоление, литературную игру с чужим словом и пародию. Подобно роману «Евгений Онегин», который «опирался на всю полноту европейской культурной традиции – от французской психологической прозы XVII – XVIII вв. до романтической поэмы – и на опыты "игры с литературой" от Стерна до "Дон Жуана" Байрона» [6, с. 15], литературные «мелочишки» Зощенко направлены на преобразование предшествующего художественного опыта русской классической прозы, первооткрывателем которой стал Пушкин.

Продемонстрируем многосложный процесс литературной игры Зощенко с пушкинскими произведениями – на примере одного короткого и, на первый взгляд, особо не выделяющегося рассказа «Утонувший домик» (1926). Прогуливаясь по Васильевскому острову, герой-рассказчик случайно бросает взгляд на один неказистый домик: «Крыша в два этажа. Да трубенка еще сверху торчит. Вот вам весь домик.

Маленький вообще домишко... На этот домик я бы и внимания своего не обратил, да какая-то каналья со второго этажа дрянью на меня плеснула. Я хотел выразиться покрепче, поднял голову – нет никого.

«Спрятался, подлец», – думаю. Стал я шарить глазами по дому. Гляжу, у второго этажа досочка какая-то прибита. На досочке надпись: "Уровень воды 23 сентября 1924 года". "Ого, думаю, водица-то где была в наводнении. И куда ж, думаю, несчастные жильцы спасались?"» [4, с. 174].

В воображении рассказчика складываются ужасные картины наводнения, обрывающиеся внезапным появлением двух жильцов этого дома: «вредной старушенции» и «плотного мужчины в жилетке», сперва весьма враждебно настроенных к зазевавшемуся прохожему. В финале рассказа выясняется, что прохожий зря так волновался о его жильцах – опасаясь воров, они сами подняли свой «фактический уровень»: «Да нет, говорит, это так. В нашем районе, говорит, хулиганы сильно балуют. Завсегда срывали фактический уровень. Вот мы его повыше и присобачили... А касаето воды – тут мельче колена было. Кура могла вброд пройти. А мне как-то обидно вдрут стало вообще за уровни.

– Вы бы, говорю, на трубу уровень свой прибили.

А он говорит:

– Ежели этот уровень отобьют, так мы и на трубу – очень просто.

– Ну, говорю, и черт с вами. Тоните» [4, с. 175–176].

Интертекстуальные корни этого рассказа-миниатюры ведут сразу к нескольким пушкинским произведениям: к «Домику в Коломне» (1830), «Медному всаднику» (1833), а также записанной со слов Пушкина и изданной В. П. Титовым повести «Уединенный домик на Васильевском» (1829). Как справедливо заметил В. Ф. Ходасевич, «Уединенный домик на Васильевском» стал «макетом» для последующих пушкинских «петербургских» произведений [10, с. 95].

В рассказе «Утонувший домик» аллюзия на пушкинские претексты заложена уже в самом названии, а также в многократном повторении слова *домик* и его инвариантов: *домишко*, *дом*. Да и сам зощенковский домик выглядит совсем «по-пушкински»:

Таблица 1

А. С. Пушкин «Домик в Коломне»	А. С. Пушкин «Медный всадник»	М. М. Зощенко «Утонувший домик»
«У Покрова // Стояла их смиренная лачужка // За самой будкой. Вижу как теперь // Светелку, три окна, крыльцо и дверь» [8, т. 3, с. 252].	«Увы! близехонько к волнам // Почти у самого залива // Забор некрашенный, да ива // И ветхий домик...» [8, т. 3, с. 292].	«Домик, гляжу, небольшой такой – крыша да два этажа. Да трубенка еще сверху торчит. Вот вам весь и домик» [4, с. 174].

В «Утонувшем домике» имеются реминисценции из пушкинских претекстов. Так, взгляд беса Варфоломея, производящий «неодолимое действие» на героя «Уединенного домика» Павла, преломленный сначала во взгляде потерявшего рассудок Евгения («Тихонько стал водить очами С боязнью дикой на лице» / здесь и далее выделено мной – **И. К.**), а затем в грозном взгляде Петра («Показалось ему, что грозного царя, Мгновенно гневом возгоря, Лицо тихонько обращалось...») в «Медном всаднике», – пародийно обыгрывается во взглядах действующих лиц зощенковского рассказа («Стал я шарить глазами по дому, «А старушка посмотрела на меня дико и окошко поскорей закрыла»).

Юмористическую реинтерпретацию получают здесь и разрушительные картины наводнения из «Медного всадника»:

Таблица 2

А. С. Пушкин «Медный всадник»	М. М. Зощенко «Утонувший домик»
«Словно горы, // Из возмущенной глубины // Вставали волны там и злились, // Там буря выла, там носились // Обломки...» [8, т. 3, с. 292]. «В опасный путь средь бурных вод // Его пустились генералы // Спасать и страхом обуялый // И дома тонущий народ» [8, т. 3, с. 291].	«Тут стали всякие ужасные картины рисоваться. Как вода первый этаж покрыла и ко второму претяся» [4, с. 175]. «А жильцы небось в испуге вещички свои побросали и на крышу с отчаяния лезут. И к трубе, пожалуй что, канатами себя привязывают, чтобы вихрь в пучину не скинул» [4, с. 175].

В «Утонувшем домике» пародийной деконструкции подлежат и демонические силы, неожиданно вторгнувшиеся в жизнь простых и смиренных людей «Уединенного домика» (Варфоломей), «Домика в Коломне» (Марфуша), «Медного всадника» («злые волны», Петр как страшный и неподвижный предводитель демонов). Только у Зощенко пародические «двойники» пушкинских «темных сил» – сами жильцы «Утонувшего домика».

Наделенные их типичными признаками, они тонко пародируют пушкинских демонов:

- проявляют явное недружелюбие, враждебность к герою («какая-та каналья со второго этажа дрянью на меня плеснула»);
- невидимы («...поднял голову кверху – *нет никого*»);
- обладают магическим взглядом («...а старушка *посмотрела на меня дико...*»);
- ассоциируются с ведьмами («Небось, говорю, мамаша, тебя канатом к *трубе* подвязывали?»);
- демонический образ Петра карикатурно снижается образом его двойника – «*плотного мужчины в жилетке*» («И вдруг выходит из ворот какой-то плотный мужчина в жилетке и с беспокойством спрашивает: – Вам чего, гражданин, надо?»);
- финальная фраза рассказа сполна подтверждает нашу гипотезу («– Ну, говорю, и *черт с вами*. Тоните»).

Так внимательному и осведомленному читателю открывается в «Утонувшем домике» скрытый пародический подтекст, полный «славных шуток и тонких намеков». Именно этот второй план зощенковского рассказа, отсылающий к пушкинским претекстам, придает ему неповторимое художественное своеобразие, дарит его читателю эстетическое удовольствие. Играя пушкинскими образами и мотивами, Зощенко, с одной стороны, проявляет себя новатором, с другой – подчеркивает свою неразрывную связь с гениальным предшественником.

Список литературы

1. Выгон, Н. С. Юмористическое мироощущение в русской прозе [Текст] / Н. С. Выгон. – М. : Книга и бизнес, 2000. – 368 с.
2. Ершов, Л. Т. М. Зощенко и сатирическая проза 20–40-х годов [Текст] / Л. Т. Ершов. – Л. : Наука, 1973. – 155 с.
3. Жолковский, А. В. Михаил Зощенко: поэтика недоверия [Текст] / А. В. Жолковский. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 392 с.
4. Зощенко, М. М. Собрание сочинений [Текст] : в 7 т. / М. М. Зощенко – М. : Время, 2006. – Т. 2 : Нервные люди. Рассказы и фельетоны, 1925 – 1930. – 752 с.
5. Кюхельбекер, В. К. Дневник [Текст] / В. К. Кюхельбекер. – Л. : Прибой, 1929. – 335 с.
6. Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь [Текст] / Ю. М. Лотман. – М. : Просвещение, 1988. – 352 с.
7. Молдавский, Д. М. Михаил Зощенко [Текст] / Д. М. Молдавский. – Л. : Сов. писатель., 1977. – 279 с.
8. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений [Текст] : в 10 т. / А. С. Пушкин – М. : Худож. литература, 1962. – Т. 3 : Поэмы. Сказки. – 498 с. – Т. 10 : Письма. 1831 – 1837. – 712 с.
9. Хализев, В. Е., Шешунова, С. В. Цикл А. С. Пушкина «Повести Белкина» [Текст] / В. Е. Хализев, С. В. Шешунова. – М. : Высш. школа, 1989. – 80 с.
10. Ходасевич, В. Ф. Петербургские повести Пушкина [Текст] // Статьи о русской поэзии / В. Ф. Ходасевич. – Пб. : Эпоха, 1922. – С. 58–97.
11. Чудакова, М. О. Поэтика Михаила Зощенко [Текст] / М. О. Чудакова. – М. : Наука, 1979. – 200 с.

M. ZOSHCHENKO AND A. PUSHKIN: LITERARY TRADITIONS

I. P. Koleva

The University of Urbino "Carlo Bo"
The department of Russian language and literature

The article is focused on A. Pushkin's humorous traditions in the works of M. Zoshchenko. Using short story «The drowned house» as example it shows the nature of Zoshchenko's works as playing with the works of his literary predecessor.

Keywords: *innovation, literary playing, parody, humanist pathos, humour, intertextuality, pretext.*

Об авторах:

КОЛЕВА Ирина Павловна – соискатель кафедры русского языка и русской литературы университета Урбино «Карло Бо» (Via Aurelio Saffi, 2, 61029 Urbino Pesaro e Urbino, Италия), e-mail: irinakoleva@hotmail.it